

3. Рыжов Ю.В. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве.* – М.: Смысл, 2006. – 328 с.
4. Филатов С. Б. *Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России.* – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – 488 с.
5. Campbell C. *The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain.* - London: SCM Press, 1972. – Vol. 5. – P.119-136.
6. Sutcliffe S. *Children of the New Age: a history of spiritual practices.* – NY.: Routledge, 2003. – 290 p.

УДК 316.334.3

Сапрыка В.А., Травин Р.А.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы иерархии идентичностей в российско-украинском пограничье, а также процесс формирования идентичности в приграничных регионах РФ и Украины, как в ретроспективе с момента распада СССР, так и в настоящее время, с учетом новых политических реалий. Кроме того, анализируются условия, в которых этот процесс протекает.

Ключевые слова: идентичность, российско-украинское пограничье, цивилизационная идентичность, региональная идентичность

TO THE PROBLEM OF THE FORMATION IDENTITY IN RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLANDS

Annotation: The article is focus on the questions of hierarchy of identities in Russian-Ukrainian Borderlands. The process of identity formation in border regions of the Russian Federation and Ukraine, as in retrospect since the demise of the Soviet Union, and currently, given the new political realities is considered in the article. Furthermore, the text analyzed the conditions in which this process occurs.

Key words: identity, Russian-Ukrainian Borderlands, civilization identity, regional identity

Распад Советского Союза и демонтаж идентификационной системы, существовавшей в его рамках, повлекли за собой целый ряд фундаментальных изменений в структуре и менталитете социумов всех постсоветских стран. Больше всего этот процесс повлиял на развитие социального ланд-

шафта приграничных регионов, которые оказались на фронтире новых государственных образований.

Глубокая трансформация произошла как в массовом, так и в элитарном сознании жителей постсоветских стран. Характерной чертой этой трансформации стала частичная либо тотальная дезориентация, из-за чего все постсоветские страны столкнулись с историческим вызовом – острой необходимостью поиска аксиологической системы координат осуществления коренных, качественных изменений практически всех структурных элементов социума. [1, с.17-18]. Это привело к процессам формирования новых идентичностей в постсоветских государствах, которые зачастую были призваны искусственно заменить возникший социально-нравственный вакуум. В этой связи, актуализируется изучение процессов формирования идентичностей, как на цивилизационном, государственном, так и на региональном уровнях.

В целом же, коллективная идентичность представляет собой психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотнесение к какой-либо группе/общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из нее, критерии различения «свой/чужой» для данной группы [2, с. 122]. Идентичность проявляется в языке, в определении себя гражданином государства, в идентификации себя с определенной группой носителей определенной веры, культуры, гражданства [3, с. 75]. Виды коллективной идентичности можно определять по множеству критериев. Человек может идентифицировать себя с семьей, кругом друзей, трудовым коллективом, территориальным образованием, этносом, культурой, нацией. Более того, как правило, каждый индивид имеет целую группу идентичностей, т.е. соотносит с себя сразу с несколькими сообществами одновременно.

На наш взгляд, среди наиболее значимых видов идентичностей следует выделить цивилизационную идентичность.

Каждая сложившаяся цивилизация тяготеет, во-первых, к выраженным формам самосознания; во-вторых, она соотносит себя и свои особенности с окружающими ее смежными или родственными цивилизациями; наконец, в-третьих, она стремится проецировать свои достижения и проблемы в целом на весь мир и на глобальную культуру.

Таким образом, любую цивилизационную идентичность можно представить состоящей из трех основных компонентов: менталитета цивилизации, ее локалитета и глобалитета [4, с. 283].

Менталитет фиксирует обращенность данной локальной цивилизации к ее ценностно-смысловому своеобразию.

Локалитет – это способность цивилизации собственными (этническими, социальными, религиозными, художественно-эстетическими и др.) средствами репрезентировать мировую культуру в своем конкретном локусе.

Глобалитет указывает в свою очередь на вклад локальной цивилизации во всемирную культуру, на порожденные ею общезначимые ценности.

Менталитет, глобалитет и локалитет той или иной цивилизации – это три стороны (границы) одного явления, тесно взаимосвязанные, но практически

не совпадающие между собой. Взаимоотношения между ними внутри каждой конкретной культуры (в структуре ее цивилизационной идентичности) носят диалогический характер.

В некоторых случаях один из модусов может умножаться и варьироваться (например, у одной культуры может быть несколько локалитетов: у русской культуры их два – славянский и евразийский, а у американской – четыре: евроатлантический, афроамериканский, латиноамериканский и мезоамериканский). В иных случаях другой из модусов цивилизации – глобалитет – может вообще отсутствовать (например, у народов, находящихся на первобытной стадии развития или не имеющих собственной государственности). Однако и в том, и в другом случае цивилизационная идентичность остается трехсоставной (даже если один из компонентов плюралистичен, а другой – отсутствует).

Каждая цивилизация стремится при контакте с другой вычитать в ней «свое» (и интерпретировать ее по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» ее собственными ментальными средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно отчуждая его, дискредитируя, вытесняя или замещая его «своим»). [4, с. 285].

При этом, важно определить уровни идентичности, а также место цивилизационной идентичности в общей структуре идентификации. Например, таким образом, как это предложено в таблице [5, с. 50].

Таблица.

Иерархия территориальной, политической и этнической идентичностей

Уровень идентичности	Территориальная идентичность	Политическая идентичность	Этническая идентичность
Верхний	Наднациональная (цивилизационная)		Метаэтническая
	Национальная	Государственная	Собственно Этническая
Средний	Региональная		Субэтническая
Нижний	Локальная		Этнографическая

Цивилизационная идентичность является, таким образом, идентичностью самого высокого уровня, современная Украина служит хрестоматийным примером справедливости этого утверждения.

Так еще С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» отмечал, «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий» [6, с. 255].

География электоральных предпочтений жителей Украины служит ярким свидетельством доминирования цивилизационной идентичности [7]. На всех выборах очень четко прослеживается поддержка политических проектов жителями украинских макрорегионов исходя из их цивилизационной ориентации (праздники, герои, языковой вопрос, участие в наднациональных межгосударственных объединениях).

Также, подтверждение данному тезису мы можем видеть в рамках конфликта на Донбассе, когда на обеих противоборствующих сторонах воюют люди с одной и той же этнической и региональной идентичностью, но с разной цивилизационной. Одни тяготеют к Православной (восточнославянской) цивилизации, другие к Западной.

Представляется, при этом, что на фоне обострения цивилизационного конфликта на Украине и четкой самоидентификации наиболее политизированной части общества в его рамках, можно ожидать роста значимости идентичностей более низкого порядка у людей нежелающих в этом конфликте участвовать. Речь в первую очередь о региональной идентичности.

В то же время в стабильных государствах, таких как Российская Федерация, безусловно доминирующими остаются идентичности высшего порядка – цивилизационная или государственная.

При этом представляется, что и в России есть предпосылки для роста значения региональной идентичности. Так, например, в прогнозе относительно перспектив развития коммуникационной среды, Российской ассоциации по связям с общественностью, отмечается, в том числе, усиление влияния локальных и региональных субъектов, рост их коммуникативной активности, который будет сопровождаться повышением интереса общественности к региональной повестке [8]. Упомянутое возрастание интереса граждан к региональной повестке будет, по всей видимости, связано с ростом значения региональной идентичности в РФ.

Рассматривая вопросы формирования идентичности жителей приграничных регионов России и Украины следует учитывать ряд аспектов, приведем наиболее значимые из них на наш взгляд:

Во-первых, процесс формирования новых идентичностей неразрывно связан с деконструкцией старых, примером чему является активный процесс десоветизации в материальном и символическом отношении, который начался после распада СССР и выразился в изменении всех базовых элементов идентичности.

Во-вторых, ключевым фактором, предопределяющим трансформацию постсоветской идентичности, выступила глобализация. Благодаря ей повысилась степень «доступности» различных идентификационных паттернов, а в совокупности с деконструкцией старой советской идентичности и в поиске новой, она наложила серьёзный отпечаток на постсоветскую культурно-цивилизационную идентификацию российского общества.

В-третьих, распад СССР привел к появлению феномена «новых границ», когда формальные границы превратились в серьёзные барьеры, в т. ч. и для межгосударственной коммуникации населения. Страны постсоветского пространства оказались частично оторваны от центральной республики СССР – Российской СФСР, что повлекло изменение культурно-цивилизационных идентичностей новообразованных стран. Кроме того, «новые границы» оказали влияние и на идентичность приграничных регионов, установив барьеры для давно сложившихся и устоявшихся связей между их жителями.

В то же время необходимо отметить, что для российско-украинского приграничья характерны такие факторы, как сравнительно непродолжительное существование границ, появившихся после распада Советского Союза, а также до недавнего времени достаточно низкая степень их барьерности, а во-вторых, историческая общность приграничных территорий России и Украины, так Белгородская и Харьковская область практически целиком входили в состав единого исторического региона – Слободской Украины, обладающего собственными культурными традициями и идентичностью [9].

Сегодня же в приграничных областях РФ и Украины формируются разнонаправленные и неоднозначные по социальным последствиям модели идентичности, в основе которых лежат существенно различающиеся ценностные паттерны.

Во-первых, паттерны, возрождающие ценности и смыслы традиционных национальных культур, в том числе современные, заполняющие многочисленные лакуны в традиционных культурах;

Во-вторых, воспроизводящие ценностно-смысловые комплексы относительно недавнего советского прошлого;

В-третьих, репрезентирующие разнообразные по своему содержанию субкультуры, возникающие и распространяющиеся как отражение специфических статусов социальных групп.

В-четвертых, паттерны, в основе которых лежат представления, выкристаллизовавшиеся под воздействием глобальных процессов, в том числе процессов наднациональной интеграции (ЕС, ЕАЭС), тотального роста влияния современных информационно-коммуникационных технологий [10].

В качестве особого класса социокультурных идентичностей могут выступать квазиидентичности, утверждающиеся на основе намеренного или непроизвольного искажения представлений о себе и контрагентах, неадекватной маркировки последних с использованием исторически сложившихся или возникших под воздействием новых реалий стереотипов.

Среди наиболее значимых условий, в которых сегодня идет процесс формирования идентичности в приграничных регионах РФ и Украины:

1. Социокультурные традиции, которые определяют доминирующий тип социального поведения человека и в наибольшей степени воздействуют на его ценности и цели, которые в значительной степени «задаются» опытом прошлых поколений. Этот опыт определяет само отношение к объектам идентичности.

2. Социальная макросреда. Российское и украинское общество сегодня представляет собой специфический вариант общества всеобщего риска. Изучая его, специалисты уделяют внимание преимущественно социально-экономическим, политическим и техногенным аспектам риска. [11, с. 26].

В обществе риска мы вынуждены фиксировать очередной кризис рациональности. Происходит формирование иррациональной и алогичной по своему содержанию социокультурной среды, в условиях которой крайне трудно осуществлять анализ и прогнозирование, опираясь на логику научного познания.

3. Социальная микросреда. На диспозиции человека оказывают существенное воздействие качество и уровень его жизни, степень интеграции в референтное окружение, чрез которое транслируются ценностные паттерны. Идентификация в данном контексте должна рассматриваться как продукт повседневной жизнедеятельности личности, одна из характеристик ее жизненного уклада.

4. Политические процессы. На формирование культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах оказывают несомненное влияние внутривнутриполитические и внешнеполитические условия.

В свою очередь, среди внутривнутриполитических следует выделить институциональные, личностные. Внутриполитические институциональные процессы выражаются в действиях политических институтов, реализуемых как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Государство, политические партии, общественные объединения, средства массовой информации и религиозные формирования выступают в данном случае генераторами идентичности, социальными субъектами, регулируемыми процессы идентификации. Наряду с политическими институтами в качестве таковых выступают лидеры общественного мнения.

Вневынеполитические условия также целесообразно разделить на несколько групп. Прежде всего, это геополитические условия, определяющиеся статусом и ролью приграничных регионов в мировой политике; институциональные, связанные с влиянием иностранных государств и международных организаций; личностные, реализующиеся посредством влияния знаковых фигур мировой политики и общественных деятелей.

Таким образом, процесс формирования идентичности в российско-украинском приграничье находится в активной фазе, наиболее остро этот процесс будет происходить на территориях с максимально близкими идентичностями, таких как приграничные регионы Российской Федерации и Украины, где население имеет сходные ценности и общую культуру, сложившуюся в рамках одного цивилизационного вектора развития. Более того, события последних двух лет внесли в него значительные коррективы, которые еще только предстоит изучить с использованием прикладных междисциплинарных методов.

Литература:

1. Коровникова Н.А. Постсоветская идентичность: к определению проблемного поля. // Современные евразийские исследования. – Саратов, 2014. – Вып.1. – С. 17-20.
2. Крупкин П.Л. Россия и Современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. – М.: Флинта, 2010. – 568 с.
3. Кривец А.П. Идентичность современных россиян [Электронный ресурс] // Культура. Политика. Понимание (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего): материалы III Международной научной конференции, 23-25 апреля 2015 г. Белгород – государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле». – Белгород, 2015. С.73-78..

- URL:http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/meropr/detail.php?IBLOCK_ID=104&SECTION_ID=1163&ELEMENT_ID=31575.
4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т IV.
 5. Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. – Псков, 2010.
 6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
 7. Электоральная география. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/u/ukraine> (дата обращения 06.05.2016).
 8. Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью [Электронный ресурс]. URL: http://www.slideshare.net/raso_pr/ss-39639096 (дата обращения 06.05.2016).
 9. Пастюк А.В. Фронтиры культурно-цивилизационной идентичности приграничных регионов России и Украины. // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Вып.4. – С. 437-440.
 10. Бабинцев В. П., Реутов Е. В., Сапрыка В. А. Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://regionsar.ru/node/1350> (дата обращения 06.05.2016).
 11. Россия: риски и опасность переходного общества / Отв. ред. О.Н. Яницкий. – М.: Изд-во Института социологии РАН, – 1998. – 237 с.

УДК 81: 811.111

Тарасова М.В., Постникова С.Н.К.

*Областное государственное автономное
профессиональное образовательное учреждение
«Яковлевский педагогический колледж»*

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы глобализации английского языка. Дается обзор основным причинам его распространения. Приводятся основные области, в которых происходит заимствование английской лексики, и приводятся примеры заимствованных лексических единиц. На основе рассмотренного материала делаются выводы, что влияние английского языка на лексический состав русского языка велико. Но, несмотря на это, идентичность русского языка является неоспоримым фактом.

Ключевые слова: глобализация, лексический состав языка, заимствования.